

О ПЕРЕХОДЕ СКОРОПИСИ XVIII в. В СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПИСЬМО

В своей новейшей работе, как всегда насыщенной обширным фактическим материалом и обильной интересными, глубокими соображениями, С. Н. Валк, прослеживая судьбы термина «археография» на Западе и в России, пишет: «Можно отметить, что палеография по мере развития изучения письма нового времени терпит на этой (смысловой, семантической, — П. Б.) почве крушения. Одни предлагают ограничить ее предмет письмом до конца XVIII в., а потом изучение нового письма называть неографией (курс палеографии и неографии читался в Польше для архивистов» «Archeion» XI, 1952, стр. 223). Другие, как К. Pives, противоплагают «Paläographie des Mittelalters — Handschriftenkunde der Neuzeit» (по рец. в «Kivista Storics Italiana», 1953, t. 65, fasc. I, p. 120); ср. также название палеографии у О. А. Добиаш-Рождественской: «История письма в средние века», М.—Л., 1936».¹

К отмеченным С. Н. Валком терминологическим поискам для более точного обозначения «палеографии» разных периодов можно прибавить и попытку С. А. Рейсера, статья которого «Некоторые вопросы палеографии нового времени»² появилась незадолго до выхода в свет «Археографического ежегодника за 1961 год».

Терминологические искания в области палеографии не случайные и не являются необоснованной языкотворческой прихотью специалистов-педантов. Эти поиски представляют вполне закономерный итог стремления ученых более точно и отчетливо опреде-

¹ С. Н. Валк. Судьбы «археографий». Археографический ежегодник за 1961 год, М., 1962, стр. 464.

² С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени. Проблемы источниковедения, X, 1962, стр. 393—437.

диль предмет научного изучения, отграничить рукописный материал эпохи до изобретения книгопечатания и первого времени его существования от письменных документов последующих столетий, когда рукопись утратила свое прежнее монопольное положение.

Не так уж существенно, будем ли мы называть новую научно-вспомогательную дисциплину «палеографией нового времени», «неографией» или, что, может быть, точнее, «неотерографией» (νεοτερος — более новый, младший). Главное — то, что сам материал изменился и требует иных приемов изучения. Старая палеография имела дело с развитием письма в имманентном, так сказать, плане, с переходом одних почерков в другие без каких-либо внешних воздействий; «неотерография» должна считаться с огромной нивелирующей ролью книгопечатания и таких его спутников, как гравирование, литография и пр., которые оказывают исключительное влияние на характер письма. Сейчас, когда и у нас, и на Западе пишущая машинка все более получает распространение в частном быту, заметно ухудшение почерка у большинства пишущих, и с этим «палеографу нового времени» также необходимо считаться.

Однако как быстро ни вытесняет пишущая машинка письмо от руки, все же последнее, можно думать, еще долгое время будет играть существенную роль и в школьном обучении молодых поколений, и в быту, и в человеческой культуре в целом. Такой учебный предмет, как «чистописание» вновь занимает подобающее место в программе начальной школы. Больше того, после длительного перерыва стали издаваться для школьников «прописи»,³ положительная роль которых очень значительна: представляя некий, впрочем, сравнительно легко достижимый, идеал, школьные прописи являются своего рода ограничителем индивидуализирующих тенденций в области письма каждого грамотного человека.⁴

Опыт палеографических изучений рукописных текстов XVIII—XX вв. показывает, что в каждую эпоху (примерно в каждые 25—30 лет) существует определенный каллиграфический шаблон, допускающий незначительные варианты (для довольно большого числа букв) и медленно изменяющийся. Каждый из нас знает, что почерк наших родителей по сравнению с нашим собственным уже является «старинным».

При всех возможных и встречающихся на практике колебаниях в начертании отдельных букв можно заметить, что в эволюции письма в последние полтора—два столетия заметна определенная тенденция к упрощению, к наименьшей затрате сил и времени при изображении письменных знаков. Даже наличие в почерках почти

³ А. И. Воскресенская и Н. И. Ткаченко. Прописи для учащихся 1-го класса. Изд. 14. М., 1962, 32 стр. (тираж 1 000 000).

⁴ Ср. замечание французского филолога-классика А. Дэна: «За исключением нескольких редких личностей, пишущих почерком прописей (de l'écriture pliée), никто из наших современников не пользуется образцовым письмом, усвоенным в начальной школе». (A. Dain. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 68).

каждого человека, т. е. в индивидуальном варианте каллиграфического шаблона эпохи, дублетов для некоторых букв оказывается не случайностью, а продиктовано тем же стремлением к бес- сознательной экономии сил и времени. Чаще всего дублетные варианты в почерках нового периода приходятся на «трудные буквы», требующие большей затраты энергии, чем буквы обычные (т, ж).

Оказывается, что, с соответствующими изменениями, тому же принципу экономии подчинено было употребление выносных, над- строчных букв в письме XVII—XVIII вв.⁵ и даже развитие рус- ской скорописи в целом.

Несмотря на наличие большой литературы по русской палео- графии, вопрос о развитии скорописи и о переходе ее в наше со- временное письмо почти не освещен в науке. Больше того, то не- многое, что мы находим по этому поводу у нескольких авторов, останавливавшихся на данном вопросе, не вполне верно и скорее имеет характер логического построения, чем является результатом изучения конкретного материала.

В старых учебниках русской палеографии (начиная с И. И. Срез- невского и кончая В. Н. Щепкиным) скорописи XVIII в. не уде- лялось внимания. У других палеографов в лучшем случае воспро- изводились тексты документов XVIII в., составлялись таблицы различных вариантов букв и сокращений, употреблявшихся в тог- дашней скорописи, и этим дело ограничивалось (И. С. Беляев, И. Ф. Колесников, Я. И. Трусевич). Первые попытки установить какие-то закономерности в судьбе скорописи XVIII в. и дать связ- ную картину ее развития были сделаны совсем недавно.

Впрочем, уже в конце XIX в. были сделаны попытки дать связ- ную картину развития скорописи XVIII в. Преподаватель мето- дики чистописания в Московском учительском институте И. Е. Евсеев напечатал в 1894 г. «Краткий исторический очерк обучения чистописанию в наших училищах»,⁶ в котором довольно сбивчиво говорил о появлении при Петре I нового, «латинского» письма.⁷

Почти то же самое говорят и советские исследователи.⁸

На самом деле введение печатного гражданского шрифта в 1708 г. вовсе не сопровождалось параллельным созданием особых руко- писных эквивалентов. В неоднократно воспроизводившейся азбуке

⁵ Очень интересные соображения по этому вопросу были высказаны К. И. Логачевым в докладе «О выносных буквах в русской письменности», сделанном в Отделе древнерусской литературы в ноябре 1962 г. Доклад принят к печати в сборнике «XVIII век».

⁶ И. Е. Евсеев. Краткий исторический обзор обучения чистописанию в наших училищах. Русская школа, 1894, № 3, стр. 11—12.

⁷ И. Е. Евсеев. Методика обучения чистописанию. Изд. 9. М., 1916, стр. 7.

⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 477; С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии... стр. 431—432.

1710 г. с правкой Петра ни «латинизированных», ни каких-либо других рукописных букв нет.⁹

Скоропись продолжала в течение по крайней мере трех четвертей века развиваться в традициях предшествующего столетия.

Однако это не значит, что в то же время не имел место постепенный переход скорописи XVII—XVIII вв. в наше современное письмо. Процесс этот протекал медленно и в разных направлениях. Как уже сказано, он не привлекал должного внимания палеографов, и поэтому предлагаемые ниже соображения, как можно думать, представляющие одну из первых попыток разобраться в существующих источниках, имеют только предварительный характер и никак не могут претендовать на полноту и законченность.

Ошибка тех немногих палеографов, как дореволюционных, так и советских, которые уделяли внимание скорописи XVIII в., заключается в том, что они изучали одни только рукописные документы эпохи и не учитывали значительной роли, которую играли в развитии характера начертаний букв другие формы применения письма. К числу последних относятся прежде всего так называемые «цельногравированные издания», затем печатные издания, в которых применялся курсив, наконец, азбуки-прописи. Каждый из этих видов применения письма, являющийся сейчас одним из источников для истории скорописи, в свое время несомненно формировал каллиграфические вкусы современников и на некоторый срок являлся образцом, которому стремились подражать и профессиональные писари, и появившиеся во второй половине XVIII в. преподаватели чистописания, и просто грамотные люди.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению соответствующих материалов, необходимо отметить еще одну ошибку наших палеографов: для них скоропись XVIII в. — понятие целостное, недифференцированное. Между тем следует строго различать «обычную», повседневную скоропись, применявшуюся в быту и в канцеляриях при писании черновиков документов (например, протоколов, отпусков писем, частных записей и т. п.), и «парадное» письмо, в разных формах употреблявшееся в прошениях (в особенности «на высочайшее имя»), в подносных экземплярах каких-либо научных и литературных произведений, а также — в более простом виде — в изготовлявшихся для продажи рукописях авантюрино-галантных повестей, сборников песен и т. д. Без строгого разграничения этих двух видов скорописи переход последней в наше современное письмо не может быть понят и историко-палеографически освещен. Предваряя дальнейшее изложение, можно сказать, что естественной смертью умерла «обычная» скоропись XVIII в., а в нашу современную графику преобразовалось тогдашнее «парадное письмо».

⁹ Последнее по времени полное воспроизведение этой азбуки см. в книге: А. Г. Ш и ц г а л. Графическая основа русского гражданского шрифта. М., 1947, стр. 9—13.

Процесс этот, как мне представляется, протекал следующим образом.

Наряду с печатными изданиями кирилловского и гражданского шрифта в начале XVIII в. существовали и «цельнографированные издания», текст которых не набирался в типографии, а вырезывался гравером на медной доске, с которой потом делались оттиски. Текст в цельнографированных изданиях встречается в форме и позднего полуустава, и более или менее парадной скорописи.

Если не считать амстердамских изданий И. Копиевского, то наиболее ранним таким изданием является «Триумф польской музыки» Даниила Гурчина (1706).¹⁰ Оно состоит из двух частей, — стихотворений в честь Петра I и А. Д. Меншикова.

Хотя данное произведение написано автором — поляком, не на русском, а на польском языке, каждое из стихотворений, сначала выгравированное латинско-польскими литерами, затем было сопровождено транслитерацией русскими буквами. По-видимому, этикет заставил Д. Гурчина вырезать русский текст стихов, посвященных Петру I, полууставом, а посвященных Меншикову — парадной скорописью.

Характерные особенности этих транслитераций (можно думать, что их гравировал не сам Д. Гурчин, а какой-то русский мастер, это можно заключить из «руссифицирующих» ошибок при передаче польского текста) таковы: буквы воспроизведены неслитно, без связок, каждая в отдельности; разделение текста на слова соблюдается строго, но предлоги и союзы пишутся то слитно с существительными, то отдельно; широко используются сокращенные слова под титлами, применяются выносные буквы и «силы» (ударения); графических дублетов немного, только *v* (как латинское *v* и в виде квадратика) и *m* (как цифра 7 и как типографское *m* «об одной ноге»). Остальные буквы имеют настолько мелкие отличия, что их нельзя считать дублетами, а лишь разными написаниями одного и того же образца.

Много общего с «Триумфом польской музыки», но, в то же время, и разного имеет второе цельнографированное издание, отделенное от первого всего тремя годами.

В цельнографированной книге Джакомо Бароцци да Виньола «Правило о пяти чинех архитектуры» (1709) применено «парадное письмо», во многом напоминающее наше сегодняшнее, но все же представляющее вариант тогдашней скорописи. Характерные черты графики этого издания таковы: буквы написаны раздельно, с на-

¹⁰ Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725 г. М.—Л., стр. 138—140. Единственный экземпляр книги Гурчина, известный сейчас, находится в БАН, в Отделе редкой книги. Образец гравированного шрифта И. Копиевского, очень существенный по использованию полууставного и парадно-скорописного письма, см.: А. Г. Шницга. Графическая основа..., стр. 48—49.

клоном вправо; имеются выносные буквы, титлы и «силы»; ряд букв (в, д, к, л, т и др.) представлен дублетами; слова написаны раздельно, но предлоги сливаются с существительным, которым они управляют.¹¹

Цельногравированные издания встречаются в XVIII в. и в более позднее время, а даже в начале XIX в., в особенности в лубочных картинках и книгах.¹²

В какой мере влияли цельногравированные издания на развитие «парадной скорописи», мы можем судить только гипотетически, так как никаких документальных свидетельств у нас нет. По-видимому, все же они если и не служили прямыми образцами для подражания (хотя не исключена и подобная возможность), то во всяком случае были одним из каллиграфических шаблонов эпохи и не представляли исключительно индивидуального явления. Тем самым определяется их значение как источника для изучения интересующего нас процесса эволюции скорописи.

Вторым источником для истории перехода скорописи в наше современное письмо является, как было указано выше, печатный курсив.

Когда впервые был применен в русской типографской практике курсив, с полной определенностью сказать сейчас трудно. Можно, однако, думать, что он появился только в практике типографии Академии наук, и то не сразу. В так называемых «первенцах Академической типографии», т. е. в изданиях, вышедших из нее с 1728 по 1733 гг., курсив не встречается. Не было в это время напечатано ни одного каталога шрифтов, которыми располагала Академическая типография.

В одном из первых подобных каталогов, изданном в 1744 г., в разделе «Российские литеры» приведены образцы двух курсивов: «курсив артиллерийской» и «ведомостной курсив».¹³ По-видимому, первый из этих курсивов входил в состав «артиллерийской азбуки»,

¹¹ Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, стр. 100—102; на стр. 103 воспроизведена страница из книги Бароцци, экземпляры которой имеются в ряде крупнейших библиотек СССР.

¹² См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Атлас, тт. I, чч. 1 и 2, II, III, СПб., 1881; т. IV, СПб., 1893. Ряд листов (т. I, №№ 1, 30, 43, и др.) полностью сохраняет особенности цельногравированных изданий петровского времени; другие (например, т. I, № 60, т. II, № 321, и др.) — уже не употребляют титл и выносных знаков. Д. А. Ровинский, посвятивший в т. V своего исследования главу граверам (СПб., 1881, стр. 1—14), не останавливается (как и советские авторы С. А. Клепиков и Д. А. Молдавский) на вопросе о почерках граверов и о возможности по этому признаку производить атрибуцию картинок, а по датированным листам и по почерку датировать другие картинки. Мне кажется, что применение «палеографического метода» к изучению лубочных картинок может дать много интересного.

¹³ Abdruck derer Schrift-Sorten, so im Jahr 1744, bey Kayser. Academischen Druckerey vorhanden sind, nebst derer Benennung. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, л. 84, л. 82 об.

появившейся в академической типографии, по мнению историка ее Д. В. Юферова, в 1735 г.,¹⁴ но на самом деле раньше. Наиболее раннее применение «ведомостного курсива» в «Санкт-Петербургских ведомостях» и в «Примечаниях» к ним относится к 1734 г.¹⁵ Специальный курсивный шрифт был отлит и для «Описания коронации Елисаветы Петровны» (1792), но позже он употреблялся редко. Он очень похож на «артиллерийский» и «ведомостный» курсивы, а также на «парагон-курсив», о котором см. ниже; единственное отличие его от остальных курсивов состоит в букве у, которая в нем вырезана по образцу славянского «ука» (цифра 8 без верхней дужки).

В «Реэстре звания всем азбукам», представленном Канцелярии Академии наук фактором Розе (управляющим академической типографией) 27 августа 1746 г., приводятся другие названия курсивов: «парагон», «митель» и «цицоро».¹⁶ В «Ведомости имеющимся при императорской Академии наук в типографии разных сортов литерам» (1765) курсивные шрифты названы «секунда», «миттель» и «цицоро».¹⁷ Сравнение их со шрифтами в каталоге 1744 г. показывает, что это те же самые знакомые нам «коронационный», «артиллерийский» и «ведомостный» курсивы. Другой результат сравнения состоит в том, что все это один и тот же шрифт, но только разного кегля.

Кроме академической типографии курсивными шрифтами пользовались в XVIII в. и многие другие русские типографии, например Сухопутного и Морского кадетских корпусов, Московского университета и др.

¹⁴ Д. В. Юферов и Г. Н. Соколовский. Академическая типография. 1728—1928. Л., 1929, стр. 13. Название «артиллерийская азбука» возникло потому, что первая ею напечатанная книга была «Мемории, или записки артиллерийские» Сюррея де Сен-Реми в переводе В. К. Третьяковского (СПб, 1733). Однако курсива в ней нет.

¹⁵ До 1734 г. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания» печатались более мелким шрифтом, чем с 1734 г., и курсива в них не встречается. В «Примечаниях» 1734 г. (№ 2, от 7 января, стр. 5) и в «Ведомостях» 1734 г. (№ 4, от 14 января, стр. 20об.) впервые применен, как можно полагать, новый шрифт — ведомостный курсив.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 104, л. 246. Вероятно, по этому представлению Розе была напечатана «Пробная книга всем азбукам, знакам и типографским украшениям, которые при императорской Академии наук и типографии находятся. Печатана августа 31 дня 1748 года» (48 нenum. стр.). Сохранился, кажется, один только экземпляр ее, который мне видеть не удалось; когда-то он находился в ГИМ (см.: Д. В. Юферов. Каталоги шрифтов в Академической типографии с 1744 г. Вестник Академии наук СССР, 1933, № 6, стб. 61). На мой запрос дирекция ГИМ ответила, что ни в фондах, ни в библиотеке музея экземпляра «Пробной книги» нет. В 1947 г. ею пользовался А. Г. Шницал (см. на стр. 75 и 76 его книги «Графическая основа...» воспроизведения из «Пробной книги» 1748 г.; там же, на стр. 79, — курсив «коронационный» и «артиллерийский»).

¹⁷ Ведомость имеющимся при императорской Академии наук в типографии разных сортов литерам. СПб., 1765, стр. 3 (нenum.) об.

Наибольший интерес по своей распространенности представляют курсивы типографии Московского университета. Ими набирались в журналах, издававшихся при университете («Полезное увеселение», «Свободные часы» и т. д.), заглавия произведений (шрифтами «парагон» и «миттель»; курсив «цицерио» встречается крайне редко). К сожалению, мне не удалось познакомиться с каталогом шрифтов Московского университета, изданным в 1769 г.,¹⁸ и поэтому я не могу сказать, были ли в университетской типографии другие курсивные шрифты.

Из пространного заглавия каталога шрифтов Московского университета явствует, что какие-то шрифты для типографии были заказаны в Петербурге. Сравнение курсивных шрифтов, употреблявшихся в «Московских ведомостях» и университетских литературных журналах, показывает, что эти курсивы, несомненно, отличались в Академической типографии, притом с помощью тех же пунсонов, какими там пользовались при изготовлении курсивов «парагон», «миттель» и «цицерио» для собственных нужд.

Таким образом, единственным видом курсива (разных кеглей) с начала 30-х годов XVIII в. и по конец столетия был академический курсив (назовем его так). Важнейшей чертой его было то, что в нем не было дублетных букв, и этим он резко отличался от рассмотренных нами цельногравированных изданий и от гравированных прописей, о которых будет идти речь дальше. Кроме того, другой его существенной особенностью был наклон вправо.

Графический анализ русского курсива XVIII в. обнаруживает, что в его основе лежит «парадная скоропись». Создавая этот шрифт, художник¹⁹ отобрал наиболее красивые и, в целом, экономные варианты скорописных букв, вероятно, наиболее употребительные. Этим можно объяснить, что вместо *v*, соответствующего латинскому *v* (как в нашем современном письме и как было отчасти и в скорописи XVII—XVIII вв.), в курсивах мы находим

¹⁸ Schrift—Probe, oder kurzes Verzeichniss derjenigen Deutsch. Lateinisch, Griechisch und Russischen Schriften, welche seit 1755 bey Errichtung hiesiger Buchdruckerey, sowohl aus Deutschland verschrieben, als in St.-Petersburg gegossen, wie auch nachmalis allhier in Moskau bis 1768 verfertigt worden und mehrentheils nach in der Kaiserlichen Moscovischen Universitäts-Buchdruckerey vorhanden sind, von T. S. Höjer, Factor K(aiserlichen) U(niversitäts) B(uchdruckerey). M., 1768 (В. Я. А д а р ю к о в. Библиография русских типографских шрифтов. М., 1924, стр. 14—15).

¹⁹ Кто это был, прямых указаний в Истории Академии наук нет. Известно, что в штате академической грьдоровальской палаты в начале 30-х годов XVIII в. имелся «грьдоровальщик литер» (Материалы для истории императорской Академии наук, т. 2. СПб., 1886, стр. 81). Это был либо Иоганн Унфердагт, либо Иоганн Купи. Однако едва ли сами они выбирали рисунок букв. Скорее всего, им было поручено художественное оформление рисунка букв, выбранных кем-то другим, скорее всего В. Е. Адодуровым, игравшим в это время ведущую роль среди русских сотрудников Академии. Может быть, некоторое участие в отборе букв принял и Тредиаковский, как раз в это время поступивший на работу в Академию «под титулом секретаря».

характерное *v*, представляющее квадрат или ромб с незначительным наклоном вправо.

Можно полагать, что именно данное обстоятельство определило такую графическую устойчивость этого варианта буквы *v* в дальнейшей истории формирования русского письма XVIII—начала XIX в. Должно отметить, что к середине XIX в., после того как наше современное *v* — в двух вариантах: ровень со строкой и с верхней частью над строкой — прочно вошло в употребление, у грамотных людей утратилось представление о «квадратном» *v* как равноправной, а тем более как предпочитавшейся букве русского алфавита. Вот что говорит Гончаров в «Обыкновенной истории» о письме, полученном П. И. Адуевым (дело происходит в начале 40-х годов XIX в.): «Он взял одно письмо, распечатал и окинул взглядом страницу. Точно крупная славянская грамота: букву *v* *заменили* (выделено мною, — П. Б.) две перечеркнутые сверху и снизу палочки, а букву *k* просто две палочки; писано без знаков препинания».²⁰

Любопытно, что, хотя буква *k* вошла в курсивные шрифты в близком к нынешнему виде, в скорописной практике она долго изображалась то палочкой и рядом с ней поставленной дужкой, то двумя чуть скошенными вправо палочками.

Обращает на себя внимание также и то, что ряд букв, которые мы сейчас пишем округло — *ц*, *ш*, *щ*, в анализируемых курсивах изображаются с острыми углами. Очевидно, одной из причин этого было то обстоятельство, что писали гусиными перьями, при пользовании которыми лучше всего получались прямые линии, а не круги и овалы.²¹ Впрочем, в руках умелых людей и с помощью гусиного пера достигались замечательные графические эффекты, в особенности в период моды «рококо» (см. ниже — о прописях).

Значение курсива как некоего каллиграфического образца определяло еще одну особенность скорописи XVIII в. — раздельное написание букв. Здесь получался как бы заколдованный круг: раздельное написание букв в «парадной скорописи» подсказывало «самостоятельный», неслитный рисунок литер курсива, а обособленное изображение букв курсива в свою очередь поддерживало традицию неслитного письма. Так, удивляющая нас особенность почерка М. Горького, писавшего отдельными, несвязными буквами, в какой-то мере является поздним отголоском «парадной скорописи» XVIII в. Если же внимательно всмотреться в тексты всех без исключения писателей первой половины XVIII в., то становится несомненным, что они писали неслитно, но тесно приписывая, как бы прижимая одну букву к другой. Только выносные буквы чаще

²⁰ И. А. Гончаров, Собрание сочинений в восьми томах, т. I, М., 1952, стр. 26. Ср.: С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии..., стр. 432.

²¹ Интересные наблюдения по этому поводу см.: С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии..., стр. 399—401.

всего писались без отрыва пера от связанных с ними букв самого слова.

Впрочем, в некоторых почерках скорописи первой половины XVIII в. встречаются связанные, слитные сочетания ряда букв, разные у разных лиц, но все же в этих лигатурах замечается некоторая закономерность: они имеют место в наиболее употребительных комбинациях букв. Согласная буква в окончании слова связана с последующим твердым знаком (ером) у А. Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, Хераскова, Новикова и др.

Поэтому на общем фоне подобной устойчивой традиции раздельнобуквенного письма резко выделяются в середине 40-х годов XVIII в. тексты, написанные академическими переводчиками И. И. Таубертом (уроженцем Москвы) и В. И. Лебедевым, своими ровными, связными буквами напоминающие скорее почерки XIX в., чем скоропись XVIII (находятся в Архиве Академии наук).

Возвращаясь к вопросу о курсиве и его месте в интересующем нас процессе, с полной определенностью можно утверждать, что рисунок букв академического курсива оказал решающее влияние на главный фактор в изменении скорописи — на гравированные прописи.

Вопрос о прописях наименее освещен в истории русской «палеографии нового времени». Исследователи в основном уделяли внимание прописям XVII в. и лишь кратко сообщали об азбуках-прописях конца XVIII в.²²

Сложность изучения прописей XVIII в. заключается в том, что — как рукописные, так и гравированные — они не привлекали внимания коллекционеров-библиофилов, а также библиотекарей и архивоведов, комплектовавших свои хранилища. Только благодаря добросовестности старых библиографов, в особенности Сопикова, до нас дошли названия ряда азбук-прописей последней трети XVIII в.²³ К сожалению, сохранились из них в библиотеках единицы,²⁴ главным образом в Библиотеке Академии наук.

Поэтому сейчас можно только очень приблизительно представить себе историю русских гравированных прописей, хотя несомненно, что в переходе от скорописи XVIII в. к современному письму они сыграли основную роль.

²² Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 30, 32 и вклейка между стр. 32 и 33; W. S. Lublinsky, Über russische Schreibmeistervorlagen, Zeitschrift für Bibliothekswesen, 1957, H. 5, SS. 373—377; С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии. . ., стр. 433—434 (здесь о прописях XVIII в. подробнее, чем в других работах).

²³ Наиболее полный список азбук и азбук-прописей XVIII—XIX вв. см. в «Русских книгах» С. А. Венгерова (вып. I, СПб., 1895, стр. 78—90). Легче обозримы азбуки-прописи XVIII—начала XIX в. в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова (ч. II, СПб., 1814, №№ 1818—1872); собственно прописей XVIII в. — около 30.

²⁴ В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800» (т. I, М., 1962) нет ни одной из многочисленных азбук, упомянутых старинными библиографами.

Прежде чем мы обратимся к их рассмотрению, следует постараться понять, почему в противоположность первым двум третям XVIII в. в последнюю треть столетия стали издавать азбуки-прописи в большом количестве. Одной из причин было увеличение числа учебных заведений как для дворян, так (с 1770-х годов) и для непривилегированных слоев населения. В программе всех школ, от низших народных училищ и до академической гимназии и гимназии при Московском университете, имелся предмет, называвшийся то «письмо», то «каллиграфия», то «краснописание», то «чистописание».²⁵

Другая и, по-видимому, более важная причина состояла в том, что в течение второй половины XVIII в. чрезвычайно разросся бюрократический аппарат, в особенности в связи со стремлением Екатерины II после подавления восстания Пугачева укрепить дворянскую государственность. Для многочисленных канцелярий потребовались в большом количестве писари, и среди кандидатов на писарские должности преимущество отдавалось людям с красивым почерком. Выученики главного народного училища, где с 1782 г. преподавалось чистописание по руководству, составленному Ф. И. Янковичем-де-Мириево,²⁶ оказались одними из наиболее подготовленных каллиграфов конца века.

Следует отметить также, что прописи издавались не только в Петербурге, но и в Москве.

Анализ дошедших до нас заглавий азбук-прописей (в основном по Сопикову) дает основания считать, что самостоятельных «редакций» их было не так уже много и что некоторые из них представляли простые перепечатки более известных с незначительными изменениями в названии.²⁷

Можно также заключить, что именно около времени появления гравированных прописей создается слово «почерк», означавшее тогда не индивидуальную манеру письма, как сейчас, а вообще писание красиво, по образцам, не по принципам скорописи предшествующих десятилетий. Основанием для этого предположения является, во-первых, то, что слово «почерк» впервые было учтено

²⁵ Д. А. Толстой. 1) Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886, стр. 2, 54—55, 63; 2) Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885, стр. 93—100.

²⁶ Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах Российской империи. СПб., 1782, 15 стр.; Российский букварь для обучения юношества чтению, изданный при учреждении народных училищ в Российской империи. СПб., 1782, 35 стр. (часть текста напечатана «рукописными буквами»); Прописи для руководства к чистописанию. СПб., 1783.

²⁷ См.: Описание для Архива Министерства народного просвещения, т. I. Пгр., 1917, стр. 166—167, — дело о перепечатке Новиковым «Руководства к чистописанию» Янковича-де-Мириево. Издание Новикова не было контрафакцией, а было печатано «по повелению бывшего главнокомандующего графа Чернышева для московских народных училищ» (стр. 167).

только в русско-немецко-французском словаре Нордстета 1782 г.,²⁸ а известно, что старые лексикографы включали в свои труды слова, уже обращавшиеся в литературе в среднем от 10 до 50 лет. Во-вторых, в 1787 г. вышла в свет книга, в заглавии которой находится слово «почеркистый», в контексте ясно показывающем вкладывавшийся в него автором смысл: «Азбука, или прописи российские, служащие к научению почеркистого письма...» (М., 1787; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, № 1847). Значит, с точки зрения издателя (и, вероятно, не только его одного), «письмо» могло быть «почеркистым» и, по-видимому, простым, «непочеркистым» (старой скорописью). Возможно, что «почерком» на первых порах называли новое, каллиграфическое письмо (см. ниже «Новую азбуку» 1779 г.).

Естественно, что красота письма, его каллиграфичность, «почерк» достигались более медленным начертанием букв и, следовательно, работа писцов отличалась меньшей производительностью, поэтому в канцелярской практике конца XVIII в. беглая скоропись употреблялась при писании черновых бумаг, и только «исходящие» писались более парадно. В дальнейшем красивый почерк писцов сделался предметом забот начальников канцелярий.

Прежде чем от анализа заглавий недошедших до нас прописей мы обратимся к анализу самих прописей, должно отметить, что среди народных лубочных картинок сохранилось ничтожное количество азбук, и то XIX в., а пропись известна только одна.²⁹ Таким образом, приходится предположить, что прописи, гравированные на меди, по своей цене не были доступны народным массам и, очевидно, обращались в основном в среде столичного дворянства, и только более дешевые прописи народных училищ проникали в демократические слои городского населения.

Нам, за единственным исключением, неизвестен тираж гравированных прописей, но их отсутствие в книгохранилищах дает основание полагать, что он был невелик и что случайно дошедшие до нас сведения о прописях, заказанных типографии Морского кадетского корпуса в 1771 г. в количестве 100 экземпляров,³⁰ отражают обычную тогдашнюю тиражную практику в отношении прописей.

²⁸ Словарь современного русского литературного языка, т. 10. М.—Л., 1960, стб. 1709. Раньше этой даты слово «почерк» встречается в заглавии «Новой азбуки» 1779 г. (см. ниже).

²⁹ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. II, стр. 510, № 683 (русские и польские прописи почтаевской работы; исследователь датирует их концом XVIII в.).

³⁰ По моей просьбе Д. Д. Шамрай разыскал в своих выписках и любезно сообщил мне, что в архиве Морского кадетского корпуса находится «доношение» подмастерья Федора Антипова о напечатании 100 экземпляров «Прописей российских букв и слогов», датированное 4 июля 1771 г. (ЦГАВМФ, ф. 432, д. 50/1771, л. 147). Приношу Д. Д. Шамраю благодарность за эти сведения.

Из дошедших до нас прописей наибольший материал для решения вопроса о переходе скорописи XVIII в. в наше современное письмо содержат следующие.

1. Пропись показывающая основание, совершенство и красоту российских букв и слогов, в ползу любящего краснописание юношества. Напечатана в Морском кадетском корпусе (экземпляр находится в Отделе редкой книги БАН). Установить точную дату этой «Прописи» не удалось ни по библиографиям, ни по водяным знакам (ЯМСЯ и др.). Возможно, что это та самая, которая была напечатана по заказу подмастерья Федора Антипова (см. прим. 25). (В дальнейшем упоминается как «Пропись Морского корпуса»).

2. Новая азбука, способствующая к научению юношества чистому письму, двух почерков, то есть: академического, или косвенного, и канцелярского, или круглого; с приобщением нужных сведений для детей. СПб., 1779, 5 л. (экземпляр — также в БАН). При этом экземпляре приплетена гравированная, особенно «парадной скорописью» написанная книга «Российской апофегмат, или выпись из Наказа, данного комиссии о составлении проекта Нового уложения». СПб., 1778, 16 л. (В дальнейшем упоминается как «Азбука двух почерков»).

3. Азбука российского чистописания, расположенная на французский манер. Вырезал И. Розанов. Без места и года. Водяной знак — 1788; библиотечная датировка — 1789 г. Возможно, что эта «Азбука» указана у Сопикова под № 1864 — «Азбука, или прописи г. Розоновым. М.» (экземпляр — в БАН). (В дальнейшем упоминается как «Азбука на французский манер»).

Характерной особенностью «Прописи Морского корпуса» является ее архаичность: только в ней находятся буквы «кси», «пси» и «ижица». В ней много вариантов и прописных, и строчных букв.

«Пропись Морского корпуса», насколько можно судить по нашим скудным материалам, не пользовалась большим успехом; возможно, что причиной этого была некоторая устарелость ее.

Иначе сложилась судьба «Азбуки двух почерков». Она, напротив, имела большой успех: из библиографической литературы известно, что после петербургского издания 1779 г. в Москве с 1781 по 1787 г. вышло пять изданий ее (Сопиков, №№ 1853—1853с). Сопоставляя с нею другие гравированные прописи, нельзя не заметить сильного влияния ее на последующие.

Однако не это самое важное: она, как мы видели, в своем заглавии сохранила обозначения «двух почерков», существовавших тогда, — академического и канцелярского. При сравнении их мы убеждаемся, что академический, или косвенный (т. е. косой), несомненно развился из академического курсива: в нем есть квадратное *v*, наклон вправо, неслитное написание букв. Канцеляр-

ский, или круглый, почерк в целом похож на академический, но вместо заметного наклона вправо имеет — и то в отдельных буквах, например прописном *E* — незначительный наклон влево.

Общей характерной чертой, решительно отличающей эти почерки от академического курсива, является изобилие вариантов как больших, так и малых букв.

Оба почерка обнаруживают пристрастие к тому, что Гоголь, характеризуя детские шалости Павлуши Чичикова при переписывании прописей, называл «петлями» и «хвостами». Это — почерки «рококо», с завитушками, затейливыми росчерками, вычурными закорючками, прихотливыми «хвостиками» в ряде букв.

Правда, наряду с причудливыми, манерными буквами встречаются и более простые, например *a*, *c*, *y* в обоих почерках и некоторые в академическом.

Сравнивая «Пропись Морского корпуса» с «Азбукой двух почерков», мы можем заметить, что в них при ряде отличий все же много общего, — в особенности в сохранении старых начертаний (квадратное или ромбовидное строчное *v*, строчное *k* из двух палочек, прописное *D*, развившееся из греческой лапидарной дельты, прописное *T*, похожее на современное прописное *G*).

Ряда элементов каллиграфической старины мы не находим в «Азбуке на французский манер». По обилию вариантов прописных и строчных букв она превосходит обе предыдущие. Например, прописное *B* представлено в ней четырьмя вариантами, строчное — тремя, но среди них нет квадратного или ромбовидного; среди шести вариантов строчного *k* нет старинного *k* из двух палочек; строчное *p* имеет пять вариантов, строчные *d*, *ж*, *л* и *t* — по четыре, и т. д. Самое интересное в «Азбуке на французский манер» — появление прописного *D*, точной копии нашего современного; оно, несомненно, взято из французских прописей, где представляет письменную форму курсивного латинского (или французского) прописного *D* (путем прибавления витков слева вверху и внизу). Новостью в этой азбуке является прописное *T*, представляющее в увеличенном виде обычное строчное *t*.

Последовательное сравнение «Азбуки двух почерков» и «Азбуки на французский манер» с прописями и азбуками-прописями 80-х и 90-х годов XVIII в., в частности с двумя азбуками 1798 г., с неопровержимостью устанавливает, что по мере приближения к концу века количество вариантов становится меньше, манерное рококо перестает оказывать влияние и происходит некий «естественный отбор» — «выживают» наиболее простые и экономные начертания букв.

Суммируя наши наблюдения, можно сказать, что самый процесс перехода старой прописи к новому «почеркистому» письму состоял:

а) в постепенном сокращении и затем полном отказе от титла и вычурных букв; параллельно в письме XIX—XX вв. разви-

вается ряд сокращенных написаний часто употребляемых слов («и т. д.», «и др.», «и пр.»);

б) в прекращении писания отдельными буквами и в переходе к связному не к буквеннораздельному письму;

в) в отказе от старинных букв (прежде всего от *в* строчного в виде квадрата или ромбика, *к* строчного из двух палочек, строчных *е* и *э*, представляющих уменьшенные по размеру те же прописные буквы, прописных *Д* и *Т*, и др.);

г) в появлении новых, до того не встречавшихся начертаний (прописного *Д*, взятого из французских прописей, прописного *Т* в виде увеличенного строчного — переход к современному, и т. д.).

В основном процесс этот совершился в течение последней трети XVIII в. К середине следующего столетия выработался четкий и красивый образцовый почерк, которым писало большинство грамотных людей того времени.

Особенно красив был этот почерк у военных писарей. А. И. Куприн в рассказе «Царский писарь» писал: «Трудно было поверить, что человеческой рукой, а не машиной вырисованы эти ровные, твердые, чистые, как подобранные жемчужины, буквы и строки». А сам герой этого произведения, «царский писарь» Кузьма Ефимович, так характеризует, как он говорит, «наше писарское искусство»: «Учили нас всех писать единообразно, почерком крупным, ясным, чистым, круглым и весьма разборчивым, без всяких нажимов, хвостов и завитушек. Он и назывался особо: военно-писарское рондо, — чай, видели в старинных бумагах? Красота, чистота, порядок. Полковая колонна, а не страница».³¹

Самым важным отличием новой скорописи XIX в. от «парадной скорописи» XVIII в. и от гравированных прописей того времени было слитное написание букв — тенденция, которая, кажется, зародилась в практике канцелярии Академии наук (см. выше о почерке Тауберта и В. И. Лебедева).

Впрочем, окончательные выводы по всем этим вопросам могут быть сделаны только после внимательного изучения более обширных материалов, чем те, которые были в нашем распоряжении.